

Наследие

10.04.22

פסח

ט' ניסן תשפ"ב

עלון תורני לדוברי רוסית - פרשת שבוע, הלכה, שאלות ותשובות, מוסר והשקפה *Офаким*

לעילוי נשמת רשכבה"ג הגר"ש אלישיב זיע"א
ולעילוי נשמת רשכבה"ג הגרשי"ה קנייבסקי זיע"א

Песах

Рав Ицхак Зильбер

ПЛАМЯ НЕ СПАЛИТ ТЕБЯ. ПРОРОЧЕСТВА О СУДЬБЕ ВАВИЛОНА И ЕГИПТА

Значение Египта в древнем мире можно сравнить разве что с политической ролью современных нам сверхдержав — СССР и США. Могущественнейшие страны дрожали перед Египтом, проводили угодную ему политику. И тут в период наибольшего его процветания, наивысшего его величия провозгласил вдруг пророк: «Посрамлена дочь Египта, предана она в руки народа северного... И предам Я его... в руки Навуходоносора, царя Вавилона...» (Ирмеягу, 46:24, 26). С абсолютной точностью предсказал пророк грядущее поражение Египта в войне с Вавилоном, изгнание египетского народа со своей земли.

Еще подробней говорит об этом Йехезкель, которому сказал Всевышний: «Сын человеческий! Обратись к фараону, царю египетскому, и пророчествуй о нем и обо всем Египте... Так сказал Господь Бог: ...Я (уничтожу) тебя, Фараон, царь египетский, великий крокодил, лежащий в реках своих, сказавший: “Мне принадлежит река моя, и я сам себя сотворил”. Но Я проколю крюками щеки твои, и прилеплю рыб, [живущих твоей реке, к чешуе твоей и вытащу тебя из твоих рек, и всю рыбу, которая к чешуе твоей прилипнет... и

выброшу тебя в пустыню... на поле ты упадешь, не будешь [никем] подобран и не будешь погребен. Зверям полевым и птицам небесным отдам Я тебя на съедение — И узнают все жители Египта, что Я — Господь, ибо были они [ненадежной] тростниковой опорой для дома Израиля. Когда хватались они за тебя рукою, переламывался ты и иссекал им все плечи, когда опирались на тебя, ты ломался...» (Йехезкель, 29:2—7).

Дело в том, что египетский фараон обещал военную поддержку последнему царю Иудеи Цидкиягу, в его борьбе против Навуходоносора. Евреи восстали против вавилонян, но Египет нарушил свое обещание и не пришел им на помощь; восстание было подавлено, и еврейский народ на десятилетия лишился своей родины.

«...За это, [сказал Всевышний], Я поражу тебя... и предам землю египетскую полному разрушению и опустошению... Не ступит на нее нога человека... и не будет обитаема она сорок лет и рассею Египет среди народов... По окончании сорока лет соберу я египтян из [всех] народов, среди которых они были рассеяны. И верну изгнанников египетских, и возвращу их... в страну, из которой происходят они, но государство их будет ничтожным. Самым ничтожным государством будет оно и никогда больше не возвысится над народами, и умалю Я их, чтобы не властвовали более над народами» (Йехезкель, 29:10—15).

Подобно всем другим пророчествам сбылись и эти. Египет был побежден Вавилоном, пережил сорокалетнее изгнание, и, хотя египетское государство было восстановлено, ему уже никогда не было суждено достичь былого величия. И по сей день Египет — второстепенная страна на политической карте мира.

Если бы предсказания судьбы человечества исходили не от самого Всевышнего, если бы они были продиктованы человеческими представлениями о справедливости, о торжестве добра над злом в нашем понимании, логично было бы предположить, что пророки возвестили бы более тяжелую кару не Вавилону, а Египту. Египтяне держали наш народ в рабстве в течении ста шестнадцати лет, топили еврейских детей в Ниле, замуровывали младенцев в стены строящихся зданий, Вавилон же повинен в том, что разрушил Храм и изгнал евреев на чужбину, но вел он себя там по отношению к ним вполне гуманно. Несмотря на все это, пророки возвестили об уничтожении именно Вавилона, а не Египта, и все слова их исполнились в точности. Это еще одно убедительное доказательство Божественного происхождения пророчеств, свидетельство тому, что замыслы Всевышнего велики и непостижимы.

ПОДГОТОВКА К ПЕСАХ В

ЛАГЕРЕ

Глава из книги Рава Ицхака Зильбера об удивительном проведении Пасхального *седера* в Сталинском лагере

Прошел Пурим. До Песаха оставалось немного времени, готовиться надо было заблаговременно.

Как-то меня спросили:

— Вы, наверно, готовились к Песах с особым чувством? Ждали перемен? Ведь Сталин умер!

Перемен ждал? Я всегда ждал освобождения. Машиаха я ждал. Каждый день. А про Сталина после его смерти не говорил и не думал.

Я говорил евреям в лагере:

— Не могу обещать, что это сократит нам срок, но мы — евреи, и должны стараться не есть хлеб в Песах.

Они в принципе были согласны, но не представляли себе, как это можно сделать:

— Нам и пайки не хватает, а если и ее не есть, что будет?

Я сказал, что попрошу жену, она достанет муку, выпечет мацу, а мы попробуем добыть картошки.

Жене удалось достать восемь пакетов муки, двадцать четыре килограмма. Это, как я уже говорил, было непросто. Но главная опасность заключалась в том, что тогда пересажали многих из тех евреев, что пекли мацу. Они получили по восемь-десять лет. Жене потому и пришлось добывать так много, что она хотела обеспечить мацой не только свою семью, меня и других заключенных в лагере, но и еще несколько еврейских семей: перед праздником к ней пришли несколько человек и сказали, что год очень тяжелый и они боятся идти за мацой, так что, если она не решится купить и для них, придется их семьям провести праздник без мацы.

Мою жену от большой неприятности спасло чудо. Когда она на санках везла домой мацу, выпеченную в одном тайном месте, ее задержал

милиционер-татарин:

— Что везешь?

Гиту сопровождал наш хороший знакомый реб Ицхак Милнер. Но, завидев милиционера, Гита дала Милнеру знак как-нибудь скрыться: женщине одной легче будет отговориться. И он ушел, а Гита осталась одна.

Гита стала обстоятельно рассказывать милиционеру, что у нее двое детей, у одного из них день рождения, и она везет печенье.

— А почему так много, а? Идем в милицию!

Она упирается, тянет время...

Он посвистел в милицейский свисток и вызвал еще одного милиционера. Они посоветовались (говорили по-татарски, Гита не поняла), и вдруг тот, что пришел, махнул ей рукой:

— Можешь идти!

Это было так невероятно, что жена потом говорила:

— Это, наверно, был Элиягу га-Нави в виде татарского милиционера.

Об Элиягу га-Нави — пророке Элиягу — Талмуд говорит, что несколько раз после своей смерти он появлялся на земле и выручал людей из беды в ситуациях, когда выпутаться уже не было никакой возможности.

Гита не могла иначе объяснить себе это невозможное происшествие. Я тоже знаю один случай, при объяснении которого без Элиягу га-Нави никак не обойтись, настолько случившееся было невозможно.

Дома жена разломала мацу на куски, положила

в мешочки, надписала — «печенье к чаю», и их удалось передать в лагерь. («Шулхан арух» — свод еврейских законов, о котором я уже упоминал в самом начале книги, — разрешает при отсутствии трех целых листов мацы произносить положенное благословение *«аль ахилат маца»* на кусочки, даже на пыль от мацы и на мацовую муку.)

Итак, маца есть. Есть даже *«марор»* (горькая зелень) — жена принесла, помнится, хрен. Но как быть с вином? Его вообще нельзя приносить в лагерь. Хорошо, что я знал: «Шулхан арух» указывает — если сварить изюм и отцедить отвар, то на него можно произносить благословение как на вино, *«боре при га-гафен»* («сотворивший плод виноградной лозы»). Жена передала мне такой «компот» под видом банки с вареньем, я отцедил жидкость накануне Песах, и этого «вина» хватило на *«арба косот»* — требуемые законом четыре бокала вина в Седер Песах на всех участников Седера (естественно, не превышая требуемого законом минимума).

А где и в чем я буду варить картошку на Песах, как обещал? Я-то просто никогда не ел в столовой и довольствовался хлебом и чаем, так что мне не привыкать, но как быть с другими? У какого-то зека я нашел большой чугун, взял льдинки и песок и стал его отчищать, чтобы потом кашеровать. Мучаюсь, мучаюсь с ним... Подходит ко мне Мишка Косов, «пахан» (главарь) у блатных, здоровый такой, красивый мужик лет тридцати пяти. И говорит мне на чистом идиш:

— Я еврей. Слышал, вы собираетесь не есть хамец? Так я тоже с вами.

Протягивает сотенную бумажку:

— Пусть ваша жена достанет мне кашерную курицу.

Евреи, стоявшие рядом, чуть в обморок не упали, да и я порядком оторопел. Мишка Косов — еврей? А Мишка мне объясняет:

— Что меня воры русским считают — так мне даже удобнее.

Теперь еще вопрос: где хранить мацу? В моем бараке сорок три человека, по одной маленькой тумбочке на четырех человек и полно воров.

Евреи меня спрашивали:

— Что же, в тумбочке будет лежать хлеб, а мы будем тут же держать мацу?

Я ответил:

— В Торе сказано: *«ло ераэ леха хамец»* — «чтобы в твоём владении не видно было хлеба». А тумбочка — не твоё владение, и что в ней — тебя не касается.

Но все равно неприятно.

Кроме того, как известно, стоило в лагере кому-то получить передачу, как к нему тут же подходили «представители» от воров и им обязательно нужно было отдать треть, иначе ночью изобьют и отнимут все. Как же быть?

Косов «проявил инициативу». Он состоял в лагерном драмкружке, имел доступ в КВЧ и углядел там новенькую тумбочку. Он взломал дверь, украл тумбочку и принес ее мне в канун Песах:

— Вот тумбочка с замком. Чистая. Будет специально для Песах.

Потом подошел к «уркам»:

— Сегодня и еще восемь дней если кто подойдет к Зильберу, попросит «поделиться» — останется без головы. В тот же день.

Они знали, что он слов на ветер не бросает, и не подходили.

Он и сам мучился, не ел *хамец*. Он рассказал мне, что уже успел посидеть в Сибири и там тоже был один еврей, который не хотел работать в субботу. По его словам, когда этот еврей умер, Мишка не захотел, чтобы его похоронили рядом с неевреями. Он пошел к начальнику, сказал, что это его родственник, добился разрешения похоронить его отдельно и похоронил. Тоже какая-то *мицва!*

А как проводить Седер в лагере, не подскажите? Где все будут сидеть? Я решил рискнуть, за несколько дней до Песах подошел к еврею, который работал в санчасти лагеря, и произнес такую речь:

— Ты раздаешь лекарства заключенным с восьми до девяти (вечера, я имею в виду). Но можно ведь раздавать с шести до семи. Делай так два дня (два — потому что в диаспоре, в странах рассеяния значит, праздничными являются два первых дня, а не один).

Этот заключенный из Белостока был из тех, что бросают своих еврейских жен и женятся на нееврейках. Но вот любопытно — войдя в санчасть, я услышал, как он, делая что-то, напевает: *«Их хоб цу дир кин тайнес нит. Гот ун зайн мишпет из герехт»* («У меня нет никаких обид на Тебя. Бог и его суд справедливы». — Идиш.). Помнил, значит, все-таки, что он еврей...

Он меня послушал, на два вечера освободил



санчасть, сидел с нами и ел мацу.

ЛАГЕРНЫЙ СЕДЕР ПЕСАХ

Глава из книги Рава Ицхака Зильбера об удивительном проведении Пасального седера в Сталинском лагере

Накануне Песах есть хлеб прекращают уже с утра, и к вечеру все мы были страшно голодны. Но вот в восемь вечера я отправился в каптерку за мацой: хранить мацу в бараке я не решался, боясь кражи. Ведь мишкино предупреждение касалось только «дележа» посылок, уберечься же от краж было невозможно.

Работавший в каптерке заключенный — сравнительно интеллигентный человек, биолог по профессии, бывший сотрудник и друг знаменитого Мичурина, относился ко мне с полным доверием. Ни разу за два года он не попросил меня расписаться в ведомости сдачи-получения: я просто сдавал и забирал свои вещи.

Но в первую ночь Песах случилось непредвиденное. Он вдруг потребовал:

— Распишись!

Я удивился:

— Что случилось?

А он:

— Не подпишешь — не получишь.

А ночь Песах уже началась и писать нельзя!

Промучился я с ним больше часа: распишись, и все! До сих пор не понимаю причины. Наверно, это было испытание свыше для меня.

С большим трудом я уговорил его отдать мацу

без подписи.

И вот вечером в Песах мы вошли в санчасть. Мы сидели за столом, как цари. Пили вино, ели мацу и читали *Гагаду*, которую мне принес парторг Вишневу.

В санчасти справляли *Седер* столько человек, сколько могли вместиться, кажется, двенадцать. Я пригласил наиболее близких. А как быть с остальными евреями?

Я обеспечил их мацой и два-три дня объяснял им, что делать: посоветовал собраться в одной камере, научил их говорить *Кидуш* и договорился с ними, чтобы в ночь *Седера*, когда будут есть мацу, они вспомнили хотя бы три основные вещи, о которых в *Гагаде* сказано: «Раби Гамлиэль говорил: кто не объяснил три вещи — Песах, маца, *марор* — не выполнил обязанности».

На *Седере* надо сказать, почему мы празднуем Песах, почему едим мацу и почему едим горькую зелень, *марор*.

«*Песах*» на иврите значит «перескочил». Казня первенцев, Бог миновал («перескочил») дома евреев: египтяне умирали, а евреи остались в живых.

«*Маца*» — пресный хлеб. Если сначала фараон отвергал требования Моше и не давал евреям разрешения на «выезд», то во время десятой казни, в ужасе перед происходящим, он спешил, торопил их уйти. Только евреи замесили тесто, чтобы испечь хлеб на дорогу, как им пришлось уходить. Тесто и подняться не успело, испеклось — есть мнение — в пути на солнце. Так или иначе, маца напоминает нам о том, что фараон резко изменил позицию и в страхе подчинился

воле Всевышнего.

«**Марор**» напоминает о горечи жизни в рабстве.

Заповедь требует, чтобы об этих трех вещах говорили, сидя удобно, облокотясь, как подобает свободным людям.

Так все и сделали.

Перед праздником ко мне пришли несколько человек — я и не знал, что они евреи, — и попросили: «Маца есть? Дайте нам *ке-заит*». Один из них сказал, что сидит уже давно, с войны; он был капо у немцев в гетто или в концлагере. Он признался, что уже двадцать лет не ел мацы. Дали им по кусочку мацы. Так что у всех был *кашерный Седер*!

Эту ночь мне не забыть. Мишка Косов сидел с нами в санчасти, пил четыре бокала (Мишка был в восторге от нашего вина), ел мацу, и все смеялись: Мишка Косов стал евреем!

Пасхальная «кухня»

Еще до начала Песах надо было решить, где и что варить на Песах. Песах, как известно, праздник весенний, и к этому времени в лагере уже перестали топить. Топили только в бараке, где я теперь жил. Но изверг-истопник даже мимо пройти не давал, когда топил.

Заметив, что он продает сухари, я «с дальним прицелом», думая о Песах, купил у него пару раз сухари, хотя они мне были не нужны. На третий раз не доплатил и пришел отдать деньги, когда он топил. Я дал ему попробовать немножко мацы, и после этого уже мог свободно заходить к нему и варить. Невероятно, но только в этом блоке топили до конца Песах.

А где доставать картошку? Так как перед каждой субботой я ходил к заключенным договариваться насчет воды, у меня появилось немало знакомых среди уголовных. (Я даже научился их языку и песням. Я пою их в Пурим и в ночь Седера.) Я просил у них, чтобы им принесли с воли сырую картошку (свой посылочный «лимит» я уже израсходовал). И вот каждый день в пять утра я уже чистил и варил картошку: в шесть всех выгоняли на работу, и надо было успеть к этому часу сварить. Без соли, без ничего — одна картошка. И вот заключенные (смотрите, какие они были честные!), если я успевал сварить — ели, не успевал — уходили без еды. Приходили в обед: если у меня была картошка, то большинство оставалось и ели, а если не было, то некоторые уходили в столовую. Я их очень просил, чтобы они не ели в столовой ячменную кашу, а только картошку. И так мы тянули до конца Песах.

Первый день Песах. Я стою и варю картошку, и смотрю, чтобы никто до нее не дотронулся. И там же рядом, возле печи, стояли два удмурта, те самые головорезы, о которых я рассказывал, и варили лапшу. Ну будто нарочно! Однако по закону, если рядом варятся *кашер* и *трефа*, но *трефа* без капли жира — то это еще ничего. Только вдруг удмурт, перемешивая ложкой свою лапшу, сунул эту ложку в мою кастрюлю с картошкой! Представляете?

Что делать с картошкой? И что делать с горшком? *Кашеровать* в Песах нельзя. Я ломал себе голову, и меня опять выручило знание «Шулхан арух»: есть закон, по которому, при полном отсутствии других возможностей поддержать существование, можно съесть такую



картошку и можно готовить в такой посуде. Сам я уже картошку до конца Песах не ел, но всем варил и ничего не сказал. Зачем говорить? Им это не поможет. Пока они не знают, ответственность за все лежит на мне. (Потом, когда я вышел, я спросил у двух больших раввинов, и они сказали, что я правильно сделал. Но представьте себе мое положение тогда...)

Что я ел всю неделю? Я не голодал: немного воды, немного мацы... Когда я смотрю назад, мне трудно поверить, что я прошел через все это и остался цел и невредим.

Каждый день я искал картошку, это было мученье. К одному подойду, к другому, к пятому. И доставал картошку. Так я и воду ношу, и картошку ищу. Иногда поиск затягивался до полуночи.

Как-то я с большим трудом нашел картошку, сварил, и несу горшок. Весна, таять начинает. Иду я с горшком картошки, поскользнулся, упал, и все вывалилось в затоптанный снег.

Я собрал картошку, очистил от снега и положил в горшок.

Говорить им, что это упало в снег или нет, чтобы они не брезговали? Люди голодные, работают до двенадцати, до часу, и единственная их еда — эта картошка и кусочек мацы. Побрезгуют — не будут есть. Я не сказал.

Наступает последний, восьмой день Песах. Все. Ни крошки мацы нет, ничего нет.

Айзик говорит:

— Но в Израиле сегодня уже едят хлеб! (Там ведь праздник — один день.)

Я говорю:

— Да, но мы здесь, в *галуте*, обязаны соблюдать еще один день.

Он говорит:

— Нет у меня сил...

Я говорю:

— Ничего, еще день потерпишь.

— Не могу больше, я хочу сейчас поесть хлеба, и все!

И тут я увидел нешуточную силу простого еврейского обычая. Не закона даже, но обычая. В последний день Песах принято молиться за душу умерших родителей. Он сам вспомнил:

— Постой, — говорит, — сегодня ведь «*Изкор*» (поминальную молитву) читают! Есть сейчас хлеб, а потом этим же ртом сразу поминать отца? Неловко... Ладно, я сначала прочту «*Изкор*».

Мы с ним читаем «*Изкор*».

Подходят другие евреи, и среди них один очень неприятный тип. Его отец и мать просили его, чтобы он после их смерти не читал по ним ни «*Кадииш*», ни «*Изкор*». Так и сказали: не пачкай наше имя своим ртом. Почему? Он закрыл синагогу в своем городе, посадил в тюрьму *шохета* и *моэля*. У него жена русская, и он все время твердит, что все верующие евреи — мошенники. Вроде того бухгалтера, о котором я рассказывал. Он и теперь всех пугал:

— Выйду из лагеря — того посажу, этого посажу...

И он тоже пришел прочесть «*Изкор*»!

Он спросил у меня: можно ли? Есть правило — с ответом не спешить. Я подумал и сказал: можно.

Потом он меня спрашивает:

— Можно ли сегодня есть селедку и сливочное масло?

Я смеюсь:

— Где, здесь или в Израиле? Здесь — это самое *кашерное*, что только может быть. (В Израиле я, может быть, еще стал бы разбираться, что за селедка, где масло лежало. А тут — безо всяких.) Почему ты спрашиваешь?

Он говорит:

— Я получил посылку из дому — селедку и сливочное масло, и, если можно, отдаю вам.

Тогда мы по лагерю объявили, что сегодня у нас особый праздник, и мы будем есть не просто картошку (картошку раздобыли), но с селедкой и со сливочным маслом. Тут еще подошел Исаак Моисеевич с радостной новостью: сняли антисемитские плакаты, которые были развешаны по всему лагерю.

Если сняли плакаты, значит — врачей выпустили. Долго мы ничего не знали, но оказалось, их выпустили на второй день Песах.

В Талмуде написано, что освобождение обычно приходит к евреям в Нисане (Нисан — месяц исхода из Египта). Это время поражения врагов еврейского народа. Адар, предшествующий месяц, тоже благоприятен для евреев. Сталинградская битва закончилась в Рош-Ходеш Адар (в первый день Адара). Гитлер объявил этот день днем траура.

В тот день мы (я тоже ел из этого горшка — в

последний день Песах допустимы некоторые облегчения) ели картошку с селедкой и со сливочным маслом. Это было безумно вкусно. Я уже и забыл, как это бывает.

А потом мы гуляли по лагерю, где больше не было мерзких плакатов. Я чувствовал — врачей выпустили. Я рассказывал моим спутникам истории из Талмуда.

К нам подошел Володька Эпштейн, некогда — убежденный атеист и интернационалист. Он и женат был «принципиально» — на русской женщине.

Я уже рассказывал о его брате Максиме, который в тридцать пятом изводил меня в институте, и о том, как он со временем — после исключения из партии — изменился. Совсем другим стал в лагере и Володька. Перед Песах, когда нам нужны были люди, чтобы на их имя под видом печенья можно было прислать мацу, Володька дал свое имя. А выйдя из лагеря, он расстался со своей прежней женой и женился на еврейке. Это очень трудный шаг.

Володька объявил всем нам, соблюдавшим Песах: сегодня вечером ему обещали принести банку варенья, и он отдает банку тем, кто ни разу не прикоснулся к хлебу в Песах. А кто хоть раз попробовал *хамец* — пусть не приходит!

Вы не представляете себе, какое это богатство в лагере — банка варенья! Там на луковицу неизвестно что можно выменять, а тут — варенье! Вечером, на исходе Песах, все пошли к нему пить чай с вареньем. (Я не пошел. Зачем это? Когда одна банка?! Другим больше достанется.)

Так закончился Песах. А сразу после Песах объявили амнистию...

Номер посвящён полному выздоровлению Рефаэля Моше Михаила сына Зинаиды в народе Израиля